

Соня Субботина и Саша Скочиленко, Кельн, Германия, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

05.08.2024, 16:42

РЕПОРТАЖ

«Теперь у нас есть все время мира — торопиться некуда». Репортаж о воссоединении Саши Скочиленко с близкими

Саша Скочиленко выходит из СИЗО № 5, в котором провела последние два года, садится в автозак, и мужчина в полицейской форме везет ее в Горелово, где находится другой изолятор. Там они подхватывают Андрея Пивоварова, и так начинается путешествие из Петербурга в Москву, в «Лефортово». Следующие четыре дня они проведут в застенках столичного СИЗО, где Саша, наконец, доберется до своего рюкзака с книгами по музыке и сольфеджио. Пока все это происходит, ее девушка Соня и друг Леша ищут Скочиленко по тюрьмам Москвы

и не находят. Затем Россия освобождает Сашу и еще 14 человек из заключения и высыпает их из страны. Саша, Соня и Леша встречаются в немецком Кельне.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

[English version](#)

Платаны — такие раскидистые деревья-исполины с острыми листьями и бархатистыми шариками плодов. Их много в немецком Кельне. Саша идет по непривычно гудящему городу, сворачивает в парк, осторожно трогает ствол, кладет на него свою руку, гладит кору. На ощупь она шершавая и теплая от августовского солнца. Рядом сидит мужчина в инвалидной коляске.

Он наблюдает за ней, пытается что-то сказать, но она не понимает по-немецки. Тогда он повторяет на английском: «Очень круто, что в этом городе есть второй такой же человек, который любит эти деревья».

«И я просто как давай ему все рассказывать! — размахивает руками Саша. — Говорю, мол, я политзаключенной была два с половиной года, я так хочу просто трогать эти деревья! Обычно ведь люди смотрят на меня как на сумасшедшую, а он понял».

Сашу задержали 11 апреля 2022 года, после того как она заменила ценники в магазине «Перекресток» на маленькие антивоенные этикетки. Прикоснуться к дереву ей удалось

только 3 августа 2024 года — спустя двое суток после беспрецедентного **обмена** заключенными между Россией и Западом.

13 на свободе, 1289 в тюрьме. Вы можете им помочь.

13 заключенных по политическим мотивам вышли на свободу, но более 1 200 по-прежнему находится в СИЗО или колонии. ОВД-Инфо защищает 100 человек по уголовным делам. Такие дела делятся годами и подзащитным нужна помочь на протяжении всего судебного процесса. Подпишитесь на пожертвования ОВД-Инфо, чтобы никто не остался один на один с системой.

ПОДПИСАТЬСЯ

«НИКТО НЕ ПРЫГАЛ ДО ПОТОЛКА И НЕ РАДОВАЛСЯ»

«Я хочу, чтобы эта тюрьма из меня выходила, — говорит Саша. — Понимаешь, тюремный сленг засел в моей голове — это ужасно. Язык бледнеет. Вот я сейчас говорю с тобой и хочу сказать не „камера“, а „хата“. Хата, хата, хата. Не „кровать“, а „шконка“. Шконка, шконка, шконка. Может, эти слова специально созданы, чтобы ставить дистанцию между „вольными“ названиями и тем, что здесь происходит, чтобы мы не забывали, что ни фига не дома?»

*Саша Скочиленко, Кельн, Германия, 3 августа 2024 года /
Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо*

Мы идем по шумным улицам Кельна. Саша одета в пестрые штаны-клеш, сшитые будто из лоскутов плотной ткани. Талию опоясывает толстовка оливкового цвета, от ломаных движений рук вздрагивают рукава просторной цветастой рубашки. Яркую одежду в СИЗО ей передавали друзья и близкие, чтобы поддержать. Они же добивались, чтобы Саше можно было передавать лекарства и продукты для пожизненной диеты из-за непереносимости глютена — казенный рацион не позволял ее соблюдать.

«Мне так не нравились все эти разговоры о моем здоровье, — признается Саша. — Я этого не люблю, не чувствую и не хочу чувствовать себя больным человеком. Но [публично говорить о заболеваниях] это был мой выбор, потому что это мой единственный шанс. Меня освободили не потому что я исключительная персона, ни хуя. А потому что все мои родные, дохрена наших друзей, правозащитные организации собрались огромным миром и помогли мне сделать эту историю удивительной, трагичной и трогающей сердца других людей.

Я здесь благодаря обычным людям, у которых нет ни богатства, ни власти».

Рядом с Сашей, одетая в простую фиолетовую футболку и джинсы, идет Соня. У Сони очень необычный голос: он тихий и звонкий одновременно. Девушки идут рядом, слегка касаясь друг друга руками.

«Когда мы вышли из самолета в аэропорту Анкарь и пришли в велкам-зону аэропорта, никто не прыгал до потолка и не радовался, — вспоминает Саша. — Все было вообще не так, все просто находились в охуении, некоторые сидели грустными. Может, они грустили что покидают Россию. Мне тоже было грустно. Я оценила, что те, кто нас эвакуировал, не зная нас, подумали о нас как о людях с травмой. Не бросили на растерзание журналистам после самолета. Они отвезли нас в тихое место, где защищали от прессы.

Мы приехали в больницу (бывшие политзаключенные прилетели в Кельн, оттуда их повезли в военный госпиталь в городе Кобленц — *ОВД-Инфо*) уже поздно вечером, всем очень-очень хотелось спать, а мне — остаться вдвоем с Соней. Я рада, что мои близкие поняли: я сейчас не хочу ничего отмечать, а просто побывать с ней».

В госпитале Саша начала общаться с Кевином Ликом — самым юным осужденным по статье о госизмене в России, тоже освобожденным для обмена. Высокий и бледный коротко остриженный юноша с заостренными скулами, он дольше других оставался в черной тюремной робе. Его мама пока еще только едет к сыну из республики Адыгея.

Саша Скочиленко, Кевин Лик и Патрик Шебель на территории военного госпиталя в Кобленце, Германия, 2 августа 2024 года
/ Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

Еще Саша встретила Рико Кригера, немецкого медика, приговоренного в Беларуси к смертной казни (и **помилованного** Лукашенко): «Он был очень тихим, в спокойно охуевающем состоянии».

«В госпиталь к нам пришла какая-то женщина, — продолжает Саша. — Вижу у нее в руках телефон, говорю: „Слушай, можешь дать позвонить по телеграмму?“ Она помогла мне позвонить, потому что я забыла как всем этим пользоваться — для меня это пока абракадабра. Потом **оказалось**, что это [руководитель отдела расследований „Фонда борьбы с коррупцией“] Мария Певчих.

Я была рада, что мне не предложили участвовать в пресс-конференции. Это не моя повестка, я не про политику. Я хотела прежде всего встретиться с Соней и позвонить маме. Но мне не пришлось звонить маме, потому что они — Леша, сестра и мама — все вместе приехали из Парижа. Мы очень устали,

у всех сдают нервы, короче, пока тяжело, поэтому мы стараемся больше времени проводить одни и отдыхать».

Кобленц — небольшой и очень красивый город в западной Германии на берегу Рейна. Он зеленый и тихий. Саша и Соня хотят вернуться туда и провести какое-то время вдали от больших городов, подальше от навязчивого внимания.

«Мне очень сильно нужно подлечиться, и нам готовы предоставить помочь, — говорит Саша. — Там хорошие психиатры и психотерапевт, мы с ней провели кризисную сессию — мне очень понравилось. Русские психотерапевты склонны говорить „я не понимаю, через что ты сейчас проходишь“ или „мне так жаль, что это случилось с тобой“. А она говорила со мной по-другому. Я долго-долго пересказывала ей все события дня перед обменом. Говорила на английском, самыми простыми словами, потому что простые слова сейчас подходят лучше всего.

Она переспросила: «Правильно ли я вас услышала, что вы были в очень стрессовых условиях, без нормальной еды, в холода и большом страхе?» Все, что я так долго рассказывала, можно уложить в одно предложение. Самое важное — рассказывать мою историю в спокойной обстановке специалисту, проговаривать, пересказывать и пересказывать, когда все уже позади».

В СИЗО у Саши был психотерапевт — благодаря помощи друзей и близких ее время от времени навещал специалист. Но преодолеть тяжелый опыт, когда тебя окружают стены тюремного изолятора, было невозможно, потому что травмирующие условия никуда не девались. Терапевт помогал, чтобы стало легче в самые кризисные моменты, но о работе в долгую не было и речи. Сейчас такая возможность появилась.

«МЫ НЕ ЖИЛИ, ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГЛИ»

Мимо нас со звоном проносится велосипедист. Саша вздрагивает и отшатывается. После двух лет изоляции шумные пространства и резкие звуки ее пугают.

Саша Скочиленко, Кельн, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

«Я начала спать с ночником. Мне страшно, даже когда дверь заперта, — говорит она и добавляет. — Мне кажется, мои родные травмированы больше, чем я, потому что я переживала свой опыт сама, но если бы что-то подобное грозило моему близкому, я бы лезла на стены и каждый день переживала, как Соня. Поэтому я очень радовалась, что у нее есть возможность съездить в Европу или в Турцию и какое-то время побывать в безопасности. Но у них всех такое чувство вины — как будто оправдываются за хорошие события в их жизни. Говорят, что их опыт неполный без меня.

А я была так счастлива, что Соня может отдохнуть, просила ее не думать об этом. Писала: отдыхай больше, живи своей жизнью. Но мы совсем не жили, потому что не могли, и сейчас нам всем нужно адаптироваться к новым условиям. Конечно,

есть чувство вины перед ними, но я поговорю об этом с психотерапевтом».

Она говорит, что первые сутки заключения, которые она провела в ИВС, были одними из самых тяжелых за все время ареста.

Потом, уже в СИЗО, стало немного легче пережить давящую обстановку — друзья стали передавать ей цветные карандаши и инструменты для рисования.

Условия в СИЗО № 5 были далеки от комфортных: корпуса изолятора ветхие, внутри — разруха, свисающая с потолка паутина и грибок на стенах. Первое время Саша сидела в режимной камере на 18 человек, где были свои правила. Например, нельзя расчесываться посередине камеры, а только на корточках и у двери, а потом собрать все волосы. Потом Сашу перевели в камеру напротив, где, по ее словам, «тоже был трешак, но свой».

«Тюрьма — это пятьдесят способов проламывания личных границ, — говорит она. — Прямая агрессия, иногда через втирание в доверие, давление, варь-вась. Если не будешь уметь отказывать, тебя все будут юзать и сядут на шею. Или давят количеством: к тебе в маленькую камеру влетает куча человек в погонах, уполномоченный по правам человека, все наши начальники просто вваливаются туда, как стадо слонов, и я такая маленькая перед этими мужиками. [Держаться помогали] психотерапия и антидепрессанты».

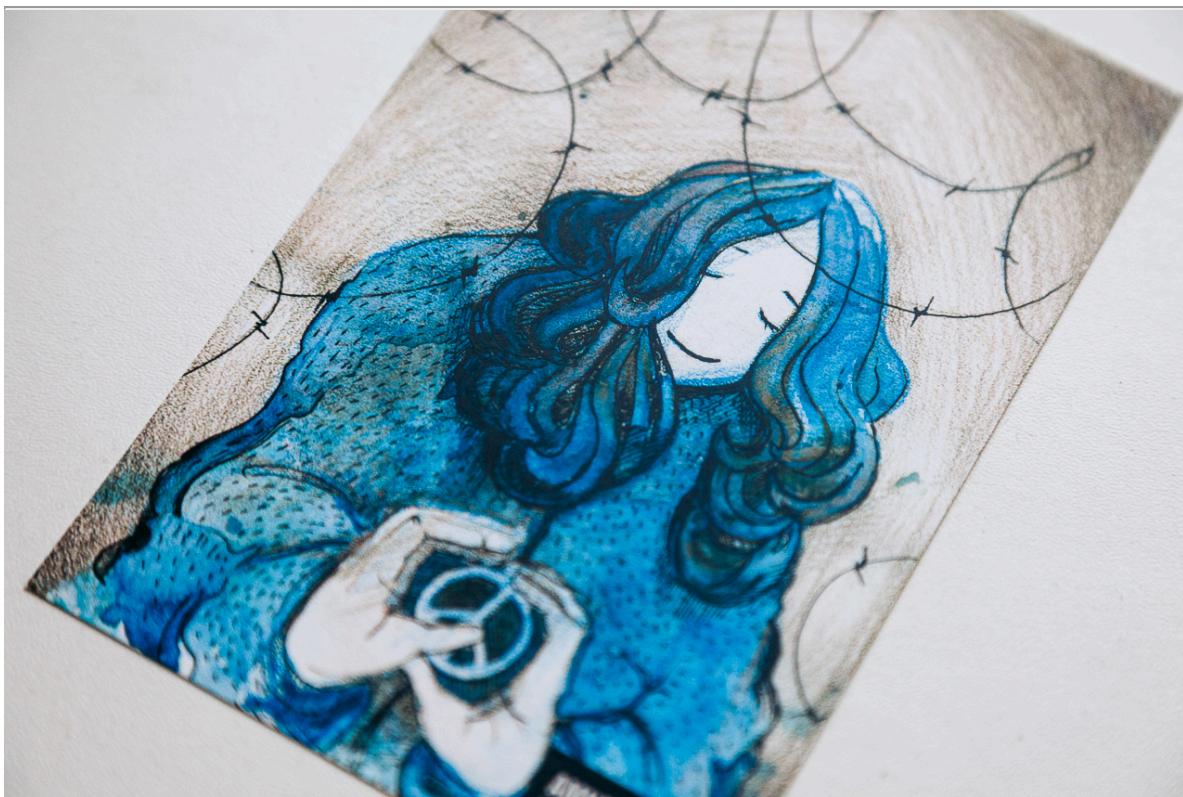
Когда ее переселяли снова, она решила, что будет что-то еще хуже, но в итоге Саша попала в камеру на два человека.

Это **была** «гигантская привилегия», таких камер в СИЗО всего две. Сейчас рассказывать о тюремном быте, который совсем недавно окружал ее, Саше тяжело, и она быстро просит сменить тему.

«Я очень много работала, и это меня спасало, — говорит она. — У меня постепенно появлялись разные инструменты, которые там нельзя держать. Хотелось не только графики простым карандашом и ручкой, но и поработать в цвете. Там можно было

передавать шесть цветных карандашей за раз и по факту хранить на одного человека только шесть штук.

Но у меня появилось до пизды карандашей! Я нашла место, чтобы их прятать. Потом появились кисточки, так как это были акварельные карандаши. Я научилась разводить чернила из ручек. Я немного рисовала на бумаге и потом разводила кисточкой — так можно было добиться разных тонов и работать со светотенью. Потом появился интересный голубой линер — это такая ручка, похожая на фломастер, когда его чернила разводишь, они психodelически расплываются на бумаге, как бензиновая лужа. Мне было интересно поработать новым инструментом.

Открытка с рисунком Саши Скочиленко из СИЗО, выпущенная Amnesty International / Фото: ОВД-Инфо

Потом было вообще ахуенно! Можно передавать синюю ручку и фиолетовую, и мне стали передавать наборы дешевых гелевых ручек разных оттенков фиолетового, которые тоже можно было разводить и делать большие полигоны цвета. Тюрьма меня научила терпению и усидчивости. Я могу теперь сделать

рисунок, где каждый лепесток будет прорисован. Раньше я мечтала об этом, но не могла, а теперь это так естественно стало получаться. Я делала работы для выставки и писала тексты. Поэтому мои дни летели.

Кто-то из сотрудников видел мои карандаши и делал вид, что не замечает. Вообще, самое крамольное, что можно сделать в СИЗО, — это рассказывать о том, что там происходит. Частично происходящее там — это нормально и адекватно обстоятельствам. Да, условия — пиздец, еда — пиздец, но некоторые сотрудники были даже человеколюбивыми. Могли посочувствовать, но только коротко, потому что им не позволено с нами особо болтать. Однажды один из них подошел ко мне не под камерами и сказал: «Я вас очень поддерживаю. Если бы я мог, я бы сделал то же самое».

Мы идем по самому центру Кельна. Тихие узкие аллеи сменяются шумными проспектами, и когда мы проходим мимо заведений, где особенно много людей и разносится музыка, Саша слегка морщится, будто громкость резко выкрутили на максимум. Мы идем и идем, и она никак не может находиться, но признается, что с непривычки ноги быстро устают.

«ДАВАЙ ВЕРИТЬ – ЭТО ПОМОЖЕТ НАМ ДЕРЖАТЬСЯ»

В московском СИЗО «Лефортово» Саша провела меньше недели, уже перед самым обменом. Но несмотря на привычный режим, эти дни в одиночной камере без свежего воздуха для нее тянулись томительно долго и тяжело. Ее не отводили ни в душ, ни на прогулки, нормальной еды не было. Повезло, что был доступ к своим лекарствам. В это время Соня и Леша прочесывали изоляторы.

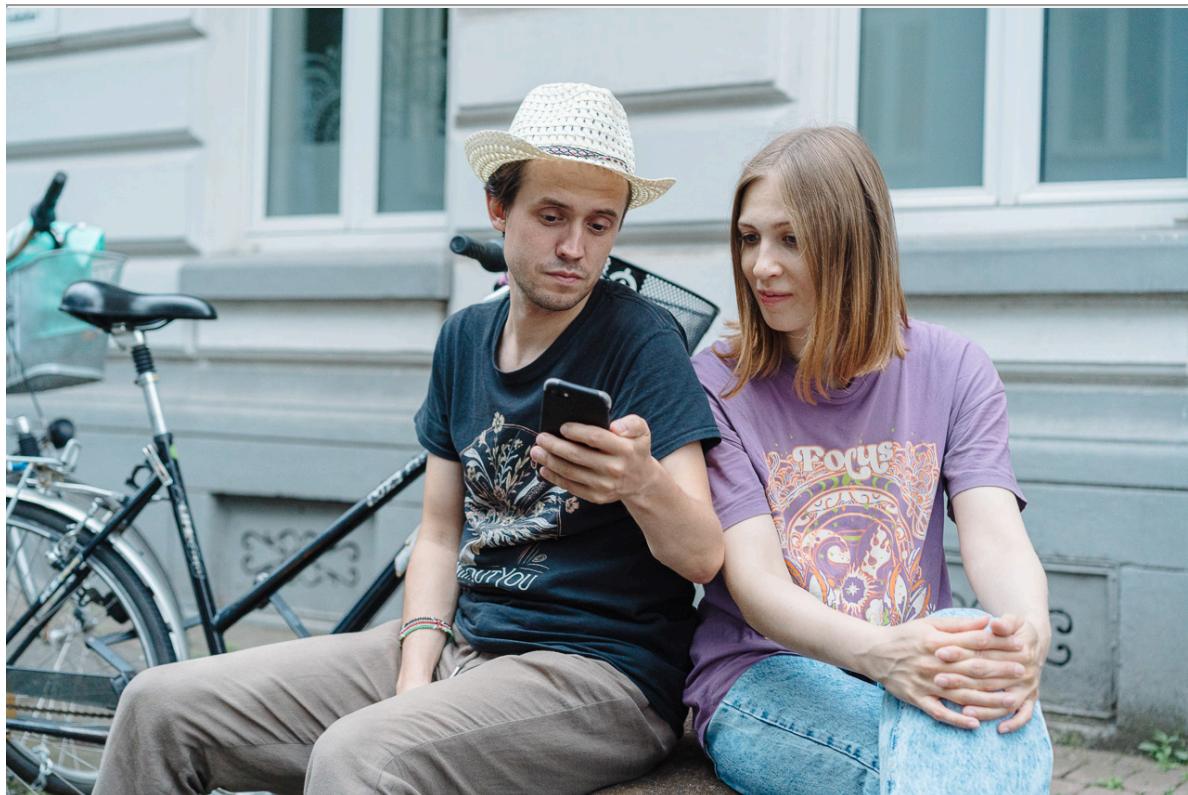
«Да все в пятерке (петербургское СИЗО №5, где была Саша до этого, — *ОВД-Инфо*) уже знали, — говорит Леша. — Блин,

мне там сразу в окошке сказали: „В Москву она уехала“. Там все перекрестились сразу. У судьи, наверное, была вечеринка».

Последний месяц сотрудники изолятора часто спрашивали Сашу, когда у нее будет апелляция на приговор. Хотели, чтобы она поскорее от них уехала. До Саши доходили слухи, что некоторые желали ей поскорее «уехать на зону». Но все-таки большинство желало свободы.

«Понимаешь, нам ведь никто не сказал про обмен, вообще никто, — тихо говорит Соня. — И вот Саша в понедельник [29 июля] пропала. Мы узнали об этом от женщины, которая общается с нашей адвокаткой. Она писала Саше письма и на одно из них ответили, что „адресат убыл“ в другое учреждение.

В ту же ночь мы с Лешей взяли билеты и приехали в Москву. Очень боялись, что у Саши нет еды и лекарств. Мы все купили, хотели передать, но в «Лефортово» нам сказали, что такая там не числится. К счастью, у Саши были лекарства, но она голодала несколько дней, ей ничего там было нельзя.

*Леша Белозеров и Соня Субботина. Кельн, 3 августа 2024 года
/ Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо*

Мы поехали в женское СИЗО «Печатники», потом — в другие СИЗО, где есть отдельные женские корпуса — ее нигде не было. Мы ничего не понимали. Решили, что в тот день ее просто не оформили. Наступил вторник, и мы поехали снова. Но нигде не было и в этот день тоже».

Все это время пропадали и пропадали политзаключенные — каждые несколько часов в СМИ появлялись новости. Саша была пятой пропавшей. Чем больше людей терялось, тем хуже делалось Соне. В соцсетях выдвигали разные версии, кто-то предположил, что для людей готовят специальную колонию. Во вторник стали **появляться** новости о возможном обмене. А за неделю до этого Саше дали подписать заявление о помиловании.

«Это было очень странно, — вспоминает Соня. — У нас было свидание во вторник, мы с ней разговаривали, и Саша сказала, как ей невыносимо думать, что она еще четыре года проведет в тюрьме, и она хочет верить в какое-то чудо. Я сказал ей: давай верить — это поможет нам держаться.

Через полчаса после того, как я вышла, Саша перезванивает и говорит — мне сказали писать заявление о помиловании, причем быстро. Она написала. Потом мы стали думать, что это какая-то подстава. Мы даже думали, что они слышали наш разговор про чудо и просто решили поиздеваться, подумали такие, типа сейчас мы устроим им чудо.

«Но даже после новостей о возможном обмене мне было очень страшно. Я написала [главному редактору одного издания] — мы с ним знакомы. Он сказал: „Извините, что так обтекаемо, но мне кажется, что скоро вас ждут хорошие новости“».

«НЕБО В 3D»

Деревянный бревенчатый домик. В домике сидит хрупкая девочка, склонив голову и обхватив колени. Домик обнимает зеленое чудовище с пустыми глазницами. Оно изгибается, сжимает домик длинными руками, хочет залезть в окна страшным белым языком. Этот Сашин рисунок — аллюзия на [клип](#) канадского музыканта и аниматора Чада ВанГаалена. Она говорит, образ очень ясно описывает пост-травматический синдром, который она переживает сейчас.

«Выйдя из тюрьмы, я всегда знаю, что мне сейчас надо, и я могу очень быстро это сделать, не отвлекаясь на другие темы, — говорит она. — В смысле физиологическом у меня очень хорошо получается принимать решения. В смысле психологическом пока нет. Я пока очень уязвима. Моим положением могут воспользоваться».

Первым делом они пошли в магазин бытовой техники. Саша купила наушники и переходник, а теперь ищет провод, чтобы подключать инструмент к колонкам. Соня привезла ей много электронных инструментов. Саша подчеркивает, что она не активист, а художница и музыкантша. Рассказывает про свою идею — когда-нибудь провести нойз-лекцию про тюрьмы. Чтобы они с музыкантами вместе импровизировали, и она рассказывала о своем опыте и читала тексты, которые писала в тюрьме. А потом выключили бы звук, и все погрузились бы в тишину.

Саша Скочиленко, Кельн, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

Саша останавливается и начинает медитативно хлопать. От ее движений колышутся и разлетаются рукава цветастой рубашки. Раз — два — три — четыре — пять, раз — два — три — четыре — пять. Негромко щелкает затвор камеры, и она вздрагивает.

«Я наконец-то осознала пятидольный размер. Эти ритмы там, в „Лефортово“ занимали мою башку, — говорит Саша.

— Единственное, что меня спасало. Прописать какую-то тональность, просчитать ритмы. Я еще в СИЗО когда заехала, взяла с собой флейту сякухати, флейту bansuri и варган. А все это туда нельзя! Мне сразу сказали, что это запрещенка. И вот мне наконец [перед „Лефортово“] отдали мой рюкзак запрещенки. Там были книги по музыке, сольфеджио, теории гармонии и две философские книги про звук».

Перед самым вылетом Саша смогла забрать и свои инструменты. Когда самолет оторвался от земли, она устроилась в кресле, достала флейту и начала играть — впервые

за два с половиной года, среди бывших политзаключенных и силовиков в балаклавах, которые были к ним приставлены.

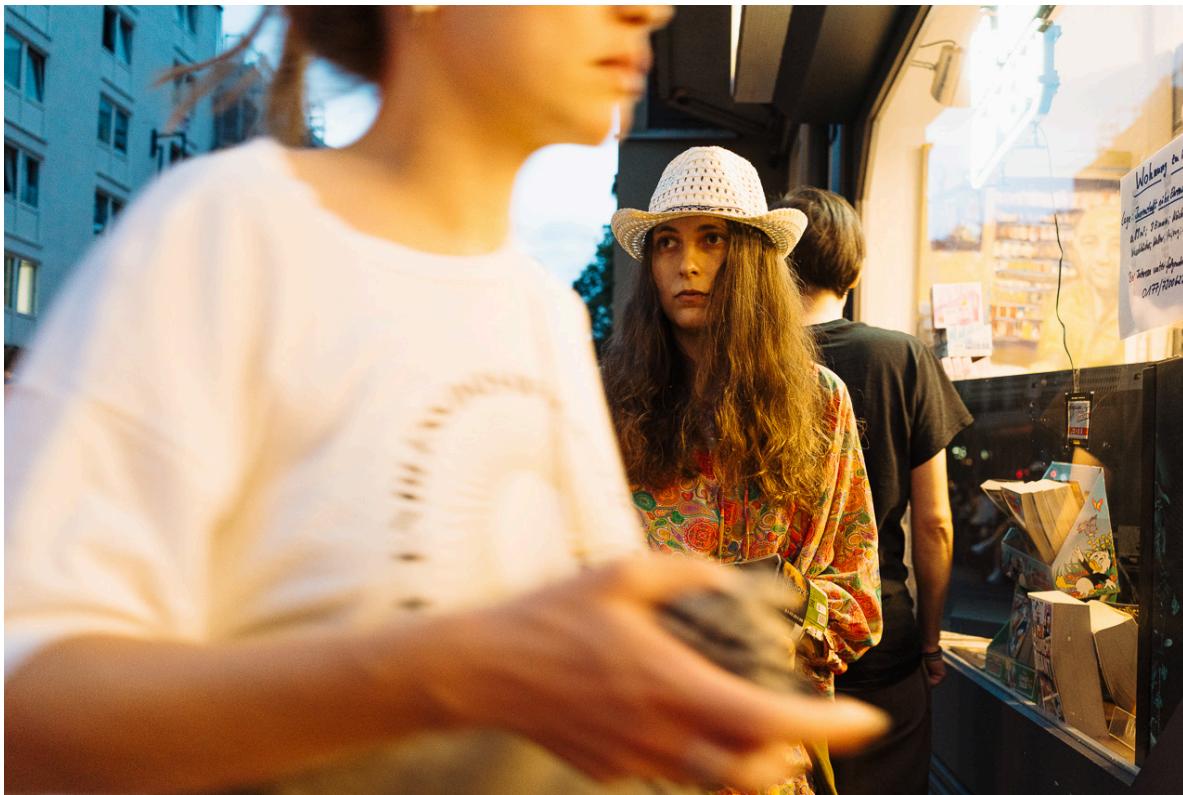
«А я не [силовикам] на флейте играла! Я играла окну, малюсеньким домикам внизу под самолетом. Олег Орлов сказал, что классная мелодия получается. Он такой простой — как я, но по-своему. Конечно, он старше и со своим опытом. Мы обсудили, что видим в окно. Впервые за долгое время видеть небо не плоским, а в 3D — это что-то невообразимое».

Хоть события и разворачивались быстро и Соня до последнего ничего не знала про обмен, а на сборы у нее было всего два часа, она умудрилась привезти Саше флейту, два аналоговых монотрона и губную гармошку. Саша перечисляет инструменты, на которых ей доводилось играть: пианино, гитара, мандолина, домра, японская флейта сякухати, индийская флейта bansuri.

«Все эти инструменты, прикинь, дарили мне другие люди, они просто приходили в мои руки: слушай, у меня тут флейта лежит, я на ней не играю — хочешь? — Безусловно, безумно! И что приходило в руки, то я и осваивала. Сейчас у меня в руках очень мало инструментов, но это и круто, потому что я могу сосредоточиться на каждом из них».

«КОНЕЧНО, МЫ НЕ ОСТАЛИСЬ ПРЕЖНИМИ»

«Со мной сидело много мигранток. У нас был дерматолог, он был такой странный, но интересный человек. Очень похож на Розенбаума. Я не понимала, нахуй там дерматолог, потом поняла: сидит много людей, которые много принимали метадон, и от этого серьезные последствия на коже. У него я увидела табличку с фразами на таджикском и узбекском — типа „привет“, „пока“, „снимите штаны“, „разденьтесь по пояс“. Я запомнила еще одну — „Бог этого не хочет“. Не знаю, зачем она там. Может, [для таких случаев] когда женщина приходит и говорит: „Мне так плохо, я хочу умереть“».

Саша Скочиленко, Кельн, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

Саша достает из рюкзака упаковку табака, тонкими пальцами отщипывает волокнистый комок и распределяет его по бумаге. Медленно сворачивает самокрутку. Долго и вдумчиво затягивается. Говорит, когда бывшие узники оказались на свободе, то не могли накуриться, и первое, о чем просили близких, которые спешили к ним в военный госпиталь, — привезти сигарет.

Они с Соней стоят рядом и смотрят на подсвеченную витрину. Леша ушагал немного вперед, а они молча разглядывают эту витрину, прислонившись одна к другой.

«Я просто счастлива, что Саша освободилась, что мне больше не нужно уезжать из Европы, — говорит Соня. — Я очень хотела уехать [из России], для меня это желанный переезд. Но [эта] неделя была тяжелая. Я боялась, что буду рыдать во время нашей первой встречи, но такого не было. Плакали другие, кто приехал с нами. У меня же сейчас ощущение нереальности — как будто мы смотрим фильм о себе со стороны. Понимаешь,

мне не верится, что Саша на свободе, потому что я ожидала, что это произойдет только через четыре года. Если честно, я не верила ни в какие чудеса».

Их отношения стали публичными, поскольку дело против Саши моментально сделалось резонансным, а она никогда не скрывала, что лесбиянка. Соня говорит, что не была против этой вынужденно свалившейся публичности, но немного боялась — например, Тимура Булатова. Он строчил на нее доносы и писал оскорбительные тексты о девушках в своих соцсетях.

«Мы с самого начала не скрывали наши отношения, нам это было бы неприятно, — говорит Соня. — Думаю, нам было гораздо проще, потому что мы девушки. Были бы два парня, нас бы избили, я и так немного боялась, что меня кто-то может подстеречь. Петербург довольно либеральный город, он относительно спокойный и красивый. Я очень люблю этот город, и я буду по нему скучать, конечно, по друзьям. Я собирала чемоданы за два часа и ни с кем не успела попрощаться. Может быть, это даже хорошо, потому что это было бы очень больно. И еще я боялась, что Саша уедет в колонию в маленький город. В Питере я чувствовала себя довольно безопасно, а вот в маленьком городе было бы стремно».

Вместе с Лешей и защитницей Саши Ритой Кисляковой они думали о том, что будет, если Саша окажется в отдаленной колонии. Решили, что будут ездить к ней вахтами.

«Сейчас мы можем не цензурировать себя, как это было на свиданиях или во время телефонных звонков. Мечты о будущем нам помогали. Мы понимали, что когда-нибудь нас ждет хорошее будущее. Как мы сохраняли близость? Мы поддерживали друг друга. К сожалению, большинство женщин остаются в тюрьме либо одни, либо нужны только мамам и бабушкам. Не люблю проводить различия между мужчинами и женщинами, но это факт: женщины часто дожидаются, а мужчины — почти никогда. Там [в тюрьме] есть даже связанные с этим приметы: например, женщины часто

носят нижнее белье наизнанку — это такое поверье, что тебя не бросит муж».

В ИВС сокамерницы говорили Саше, что Соня ее не дождется и они скоро расстанутся. Соня говорит, что даже мысли такой не допускала. При этом, первый год после задержания Саши они с Соней практически не виделись и не говорили. Только на закрытых заседаниях о мере пресечения несколько минут в месяц Соня видела, как мужчины в форме ведут Сашу под конвоем в зал, а потом выводят обратно.

Соня Субботина и Саша Скочиленко, Кельн, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

«У нас были прекрасные отношения [до ареста], поэтому даже вопроса о расставании не стояло. Конечно, было очень сложно, но этот опыт нас даже сблизил. Из-за того, что мы жили вместе, меня сделали свидетелем по делу и не давали встреч и звонков. Я даже не знала, что Саша хочет эти ценники оставить! Она не скрывала этого от меня, просто не считала это чем-то важным. И весь первый год мы только писали друг другу ФСИН-

письма. Это очень долго и муторно. Когда через год нам дали свидания и звонки — было такое счастье!»

Саша и Соня познакомились в интернете на сайте знакомств для девушек в 2017 году. Однажды Соня увидела фотографию Саши — говорит, сразу подумала, что «это не девушка, а мечта», а увидев, что у них схожие интересы, решилась и написала. Соня признается, что думала, Саша никогда не обратит на нее внимания, а Саша, оказывается, думала про нее то же самое. В мае исполнилось семь лет, как девушки вместе.

«Мы с Соней разные, и мне это так нравится! — говорит Саша. — Мы так уравновешиваем друг друга. Я, например, обожаю копить вещи, не знаю, что со мной сейчас будет происходить, может, я как человек, у которого не было средств и вдруг они появились, буду бесконечно покупать, а Соня знает, как тратить деньги и экономить, обожает выбрасывать вещи. Мы идеальная пара.

Боялись, что, начав жить вместе сразу, быстро расстанемся, поэтому выбрали сближаться, как большие черепахи, — очень медленно и разумно. Мы успели прожить вместе два года до ареста.

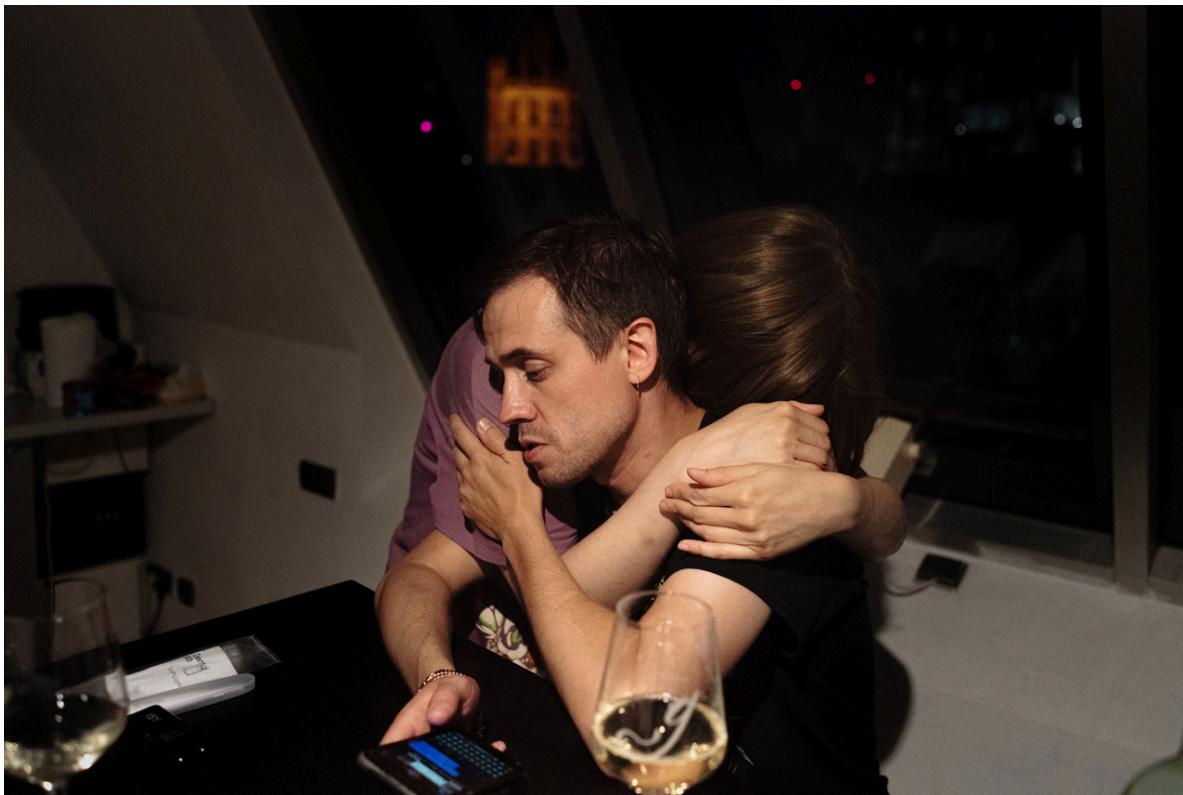
До заключения я жила очень разрозненной жизнью. Была журналистом, мультипликатором, свободной художницей, музыкантшей. Мне очень хотелось просто сбежать из того мира, забыть про всех этих гражданских активистов, забыть про выборы. И вот я встретила Соню, у которой была совсем другая повестка. Мы обсуждали самые простые вещи. Я жила в мире внутренней миграции — пока дают, не замечая вокруг ничего. А потом упала в кроличью нору питерского андеграунда. И все мои идентичности во время моего заключения, они соединились, и все стало иметь очень большой смысл».

«Тогда, в день ареста, — вспоминает Соня апрель 2022 года, — мне позвонил Леша и сказал, что Сашу арестовали за какие-то ценники. Я даже не понимала, что за ценники, и он тоже [не понимал]. Ее арестовали утром, ближе к вечеру мы узнали, что

за ценники, сама Саша мне смогла позвонить только в час ночи с телефона своего адвоката и сказала, что ее могут посадить [на срок] от пяти до десяти лет. Я начала рыдать, у меня была абсолютная истерика, просто невероятный шок. До этого я думала, что за это может быть максимум административка, ну что еще за это может быть?!

Я очень боялась, что Саша никогда не вернется ко мне прежней, потому что это настолько страшный опыт, мне иногда даже сложно про это слушать. Мне хочется ее понять, разделить с ней это, но иногда будто хочется абстрагироваться, настолько страшно. Понимаешь, это непередаваемо жутко, когда идет суд, Саша просит у судьи воды, а та говорит: «Нет». И она просто сидит в клетке много часов без воды. И в какой-то момент она расплакалась.

Ты просто видишь, как твой любимый человек сидит в клетке и плачет от того, что ему не дают выпить воды восемь часов, — у Сони дрожит голос, глаза краснеют, но она быстро берет себя в руки. — Конечно, мы не остались прежними, — продолжает она. — Но Саша выглядит как прежняя и так же общается. Я сильно изменилась, но не знаю, насколько это заметно внешне. Мне раньше было тяжело переносить сложности. А сейчас я очень, очень стрессоустойчивая.

*Леша Белозеров и Соня Субботина. Кельн, 3 августа 2024 года
/ Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо*

Мы такое пережили, но я считаю, что мне очень повезло, потому что рядом со мной был Леша, давний друг Саши, который стал и моим близким другом. Я много общуюсь с другими женщинами — женами и подругами политзаключенных, они все это тащат на себе. Я еще поражаюсь тому, что все два с половиной года про Сашу очень много писали. Это так странно, потому что инфоповоды сменяют друг друга очень быстро».

«ВЫ ТАК ХОРОШО ЖИЛИ ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ!»

«На первый-второй день заключения ко мне приходит адвокат, а мне дико плохо и хочется плакать. — вспоминает Саша. — Говорю: „Я не выживу десять лет здесь, в этой камере“. А она мне приносит стопку фоток, приветов, публикаций обо мне. Сначала, конечно, я такая: вау, охуеть, я популярна — статья обо

мне есть в „Википедии“! Потом этого стало так много. Вещи, которыми ты не пресыщаешься, — это любовь. Ее просто становится больше и тебе всегда достаточно, но это труд».

Судебный процесс длился больше полутора лет — 19 месяцев. 16 ноября 2023 судья Оксана Демяшева приговорила Сашу к 7 годам колонии. В тот день утром Соня проснулась и решила, что не будет плакать на суде. Самыми сложными были четыре часа ожидания после Сашиного последнего слова.

Когда судья озвучила приговор, Соня не выдержала и все-таки заплакала. Она подошла к Саше — та тоже плакала. Соня вспоминает, что попросила у пристава разрешения подержать Сашу за руку, но тот отказал. Соня просто стояла у клетки.

«Тут один из них схватил меня за плечи и грубо потащил назад, — рассказывает Соня. — И я закричала. У меня истерика началась. Очень позорно было. Ну ладно плакать — но закричать! Очень стыдно, да, Леш?»

«Нет, почему?» — пожимает Леша плечами.

Первое время после Соня винила себя, говорила, что Сашу посадили из-за публичности. А еще думала, что мог повлиять адвокат — Юрий Новолодский, который все время спорил с судьей и требовал ее отвода.

«Я будто искала причины. Хотя причина была только в том, что судья — [очень плохой человек], — не выдерживает Соня. — Это ужасно: на следующий же день после приговора ее **рекомендовали** заместителем председателя Калининского суда — это вторая по значимости должность, очень высокая и очень хорошо оплачиваемая. Приговор был в четверг, а в пятницу ее уже рекомендовали — не в понедельник, не через неделю, а демонстративно на следующий день.

Многие верят, что Россия изменится, и они все поплатятся за это, но я, к сожалению, мало в это верю. Чекисты, которые ссылали людей в ГУЛАГ и издевались над ними, не поплатились. Но я бы хотела, чтобы она понесла наказание, потому что она

издевалась над Сашей. Дело даже не только в приговоре, а в том, что она — садистка».

Соня рассказывает, как всегда старалась принести Саше что-то приятное в СИЗО — крем, который вкусно пахнет, яркую расческу или резинку для волос, какие-то необычные мелочи, что-то новое и вкусное, что Саша еще не пробовала.

«Мне было тяжело, что Саша не со мной и так страдает, — говорит Соня. — Я часто ездила по всему городу и покупала что-то для нее. В тюрьме очень мало впечатлений, ты видишь там только серые цвета. А так — яркие штучки, вкусная еда — это то, чем ты можешь разнообразить свою жизнь. Например, яркая расческа. Яркая одежда, мы всегда передавали».

«Соня для меня — героиня, — говорит Саша, когда мы отходим с ней от ребят и остаемся наедине. — Мне все женщины в СИЗО говорили, как мне с ней повезло. Цени ее, береги ее, у вас настоящая любовь. В женских тюрьмах вообще нет гомофобии, по крайней мере в СИЗО № 5 я этого не встречала. Если ты прямо им говоришь о своих отношениях, тебе отвечают — круто.

У меня в камере была цыганка из суперпатриархального мира. Я рассказываю ей, вот, мол, у меня есть девушка. Первое, о чем она спросила: «А вы ЭКО хотите сделать?» Я заметила, что когда ты это не скрываешь и очень просто об этом говоришь — вот есть человек, я его люблю, это моя Соня, — люди намного лучше реагируют. Когда я показывала наши совместные фотографии, которые она мне прислала, все говорили: «Блин, как классно». Одна узбечка мне сказала: «Вы так хорошо жили до заключения!»

И сейчас я хочу жить здесь [в Германии], интегрироваться. Возможно, через свое творчество стать полезной. Это самое малое, что я могу сделать в обмен на свою жизнь. Я до сих пор нахожусь в шоке, и я вообще не настроена давать интервью, потому что мне нужно отдохнуть и начать работать с травмой.

Придет время, и я начну рассказывать об этом — так, как сочту нужным.

Пусть люди на меня не обижаются. Другие себя, наверное, чувствуют иначе, но я хочу сейчас где-то затеряться, где-то проебаться и все. Жить, как будто меня никто не знает, — просто жить свою жизнь, наслаждаться ею. Жить, как я мечтала».

Саша Скочиленко, Кельн, 3 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

В Кельне стемнело. Мы поднимаем вверх головы — над нами кружатся легкие белые перья и медленно оседают на асфальт. В окнах зажигается свет, вспыхивают витрины, оживают закрытые бары. Белеют скульптуры книг, вмонтированные в стену дома напротив.

«Охуенно», — выдыхает Саша.

«Вчера мы гуляли вдвоем по маленькому городу Кобленц, — Соня подходит к нам. — Этот город нам очень понравился. Мы хотим первое время там побывать, потому что Саше очень

хочется тишины. Мы понимаем, что теперь у нас есть все время мира, и торопиться некуда».

Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ